

Мир глазами женщины

Валентина Ивановна Амиргуллова (Черникова) родилась 12 января 1954 года в Орле. В 1972 году окончила Орловский машиностроительный техникум, в 1978-м — отделение журналистики Воронежского госуниверситета. Работала редактором радио завода «Химтекстильмаш» в Орле, редактором областного комитета по телевидению и радиовещанию, корреспондентом многотиражной газеты завода «Текмаш» и областной газеты «Орловский комсомолец», сотрудником пресс-службы Орловского УВД, редактором многотиражной газеты Орловского госуниверситета, газеты Орловско-Ливенской епархии «Вера отцов».

Первая книга Валентины Амиргуловой «В большом городе» вышла в 1984 году в издательстве «Молодая гвардия». Член Союза писателей СССР с 1991 года. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды», награждена почётными грамотами правления Союза писателей России, Орловского областного Совета народных депутатов. Умерла 12 января 2021 года.

Последние несколько лет Валентина Ивановна болела и ничего не писала, но в памяти читателей и собратьев по перу, на полках библиотек и гостиных остаются романы, повести и рассказы Валентины Амиргуловой, написанные ясным и ёмким, очень живым и непосредственным слогом, исполненные поэтическими сравнениями и философским смыслом.

Светлана ГОЛУБЕВА,
член Союза писателей России

НОВЕНЬКИЙ

Всю ночь шёл дождь — прорвались небеса. В саду размыло дорожки, недавно засыпанные гравием, снесло клумбы с настурциями. Утром солнце виновато выглянуло из-за облаков с запозданием и вдруг, как бы спохватившись, зажгло сад миллиардами водных жемчужин. Тюльпаны, розы, гвоздики ослепительно сияли под птичий благовест.

К полудню привезли новенького. На тележке ему трудно было ехать по мокрой траве и лужам на дорожке. И его прямо из газика подхватили сторож и дворник дома инвалидов и понесли в «приёмку». По пятницам оформляли новеньких.

А парень, кудрявый, розовощекий, с блаженной улыбкой и дикой тоской в глазах, вопил на весь парк:

— Несли меня, хорошего,
Под белы ручки нежные
К твоему крыльцу
заветному

На целый вечерок...

— Потихе, парень, — не удержался сторож, плюгавенький, но мускулистый, с лицом выдавшего виды мужика. — Распевка будет позже.

— А пусть орёт, — хмыкнул добродушный дворник. — Он, видно, не пообвыкся ещё, свежий.

Новенький перестал петь, но заорал ещё задорнее:

— Хе, уже на руках носят — царская жизнь ждёт!

Он лихо сплюнул в кусты, сторож только тихо вздохнул. Дворник припомнил:

— А прошлый раз матерщинник попался.

Тележку поставили на крыльцо. Вышла баба Маня, толстая, с тыквообразным лицом. Новенький куражливо поклонился ей:

— Это вы за ангела в этом раю?

А баба Маня сразу бросилась обтирать поручни его испачкавшейся коляски:

фото www.feedthehungry.org

— Документы твои ещё на той неделе доставили. Но не без хлопот.

— Поспешили! — весело расхохотался новенький.

— Обвыкнешь, обвыкнешь, — сказала баба Маня, поправила у него завернувшийся воротник, пригладила волосы и вдруг всплеснула руками:

— Слава богу, хоть один будет свой красавец, а то все криворожие и доходяги поступают.

— И сама ты хоть куда.

— Ох, ты, — качнула баба Маня головой, — лучше б поревел.

Новенького поселили вместе с другим безногим — Гришей, в угловую комнату. Здесь стояли две кровати с низкими ножками, так что казалось — постель лежит на полу. Окно было большое и низкое, а сама комната узкая, хоть и длинная.

— Да как же мы будем здесь разъезжаться?

— Я тебе уступлю дорожку, — дружелюбно ответил новенькому Гриша.

Был он рябой, курносый, а волосы носил ёжиком. Мягкая улыбка озарила его крупные, ровные, красивые зубы. — Тебя как зовут-то?

— Кажись, Алёшей все звали, — вытащил из нагрудного кармана пачку «Прибоя» новенький, бросил её на кровать. — Да только теперь забудут, как меня зовут. Всё, испарился.

— Авария? — спросил Гриша и сам себе кивнул головой. — Трудненько привыкать. Я убогий с рождения. Так оно легче. Меня забыли сразу. И то хорошо.

Тихонько и даже как-то весело он стал рассказывать о порядках дома инвалидов, постоянно добавляя слова «лучше да хорошо».

Алексей, как бы слушая вполуха, закурил, потом перебил:

— А знаешь анекдот,

как безногий и безрукий соревновались?

Начал рассказывать, то и дело закатываясь. Гриша серьёзно смотрел на соседа. Алексей отвернулся, и пепел посыпался на белую простыню.

Целый день его звонкий с трещинкой голос взвизгивал в комнате, в коридоре, в столовой. Он сыпал шутки направо и налево. Ущипнул за бок голубоглазую медсестру Татьяну Павловну. Она отчитала его и тут же пода-

рила флакончик с витаминами. Бабу Маню он окрестил Афродитой. Она грозила ему толстым корявым пальцем.

Обитатели встретили новенького настороженно.

но. Он был слишком шумным здесь. Только блаженный Шурик (его звали так за странную кривую улыбку) довольно кивал головой.

К вечеру новенький угомонился. Лёжа на кровати, он глядел в сиренево-серый потолок с тёмными тенями по углам. В сумерках глаза Алексея поблёскивали свирепо. Молчали.

— Ты что, так всю жизнь здесь и прокантовался? — тихо вдруг спросил новенький.

— Был и в другом доме инвалидов.

Опять молчали. Потом начал уже Гриша:

— Ты себя не жалея. Радуйся, на тебя благодать сошла.

Алёша молчал.

— Благодать, — повторил Гриша. — Нет, Бог нас не списал. Кем ты был, когда у тебя были две ноги? Никем! Человечишкой. Прыгал, дрыгался, улажал свои желания. Побегал туда, побегал сюда, а всё без толку. Ну какой прок был от твоей суеты? Какой она след оставила? Никакого.

Алёша молчал.

— А теперь ты вроде стал свободный от самого себя. Не улажать будешь, а к жизни приглядываться. И коль повезёт тебе попасть на нужный перекрёсток, ты пожалеешь не нас, инвалидов, а тех, кого судьба не лишила гордыни. Человек ведь в гордыни пребывает: всё смогу. А может только тогда, когда без гордыни окажется.

Алёша молчал. И непонятно было, то ли соглашается, то ли не хочет слова терять, то ли найти нужных не может.

А потом, когда они снова долго молчали, он вдруг удивлённо произнёс:

— Глянь в окно. Звезда взошла. Сколько дней я не видел звёзд.

Но теперь молчал Гриша, и тишина покрыла слова новенького.

